

ВАЛЕРИЙ ЛАМЗОВ

НА ПОРОГЕ КАТАСТРОФЫ*

В середине 1983 года Николая Яковлевича Александрова переводят в Москву. В аппарат ЦК Андропов его не пустил. Дали не столь громкую, но достойную должность – директор Института мировой экономики и международных отношений. Однако довести дело до конца Юрию Владимировичу не удалось. Прихватил недуг. Да так, что не до работы было. Но не тот это был человек, чтобы без боя сдаваться.

Виктор Михайлович, зная о тяжёлом состоянии друга, каждую неделю навещал его в Кунцевской центральной клинической больнице. Из беседы с Чадовым он уже знал, что конец неизбежен. Видимо, знал это и Андропов, но все же надеялся на лучшее.

За день до смерти Юрий Владимирович был относительно бодрым. Он тяжело отходил от гемодиализа и, как только чувствовал себя более или менее хорошо, всё надо было начинать сначала... Это его измучило. Он сильно похудел. Палату уже практически не покидал.

Чебриков настаивал на операции, но врачи категорически отказывались из-за ярко выраженного атеросклероза сосудов. Боялись, что организм не выдержит.

Рядом с Андроповым постоянно находился кто-то из его помощников, люди Чебрикова были здесь же.

Сложность положения заключалась в том, что Юрий Владимирович, став генсеком, резко встряхнул страну. Поднял вопрос укрепления дисциплины и порядка. Нанёс сокрушительный удар по коррупции в МВД. Повёл решительную борьбу с хищениями и взяточничеством. И вдруг!.. Празднование дня октябрьской революции – Андропова на трибуне нет. Поползли слухи. Очередной Пленум ЦК – Андропова опять нет. Зачитывают его письмо к участникам пленума.

* Главы из книги В. Ламзова “Визит корректора”.

ЛАМЗОВ Валерий Георгиевич родился в 1951 году в городе Орджоникидзе (Владикавказ). В 1973 году окончил Высшее пограничное командное училище. До 1981 года проходил службу на различных должностях в войсках Закавказского пограничного округа. С 1981 года — на партийной работе и руководящих должностях в системе Министерства морского флота СССР. С 1991 года работал в различных отечественных и зарубежных компаниях, специализирующихся на перевозке морских грузов. Является академиком Международной академии транспорта. Автор книг “Золотое сечение Иуды”, “Визит корректора”. Живёт в Москве.

Чебриков знал, что вокруг этого идёт мышиная возня и что немало таких, кто хотел бы жить по-старому — ему регулярно докладывали и про “частушки”, и про водку. Однако чекиста больше всего интересовала ситуация в ближайшем окружении генсека, здесь он имел более или менее объективную информацию, так как в силу специфики жизни “наверху” всё было значительно видней, чем в низах. Виктор Михайлович пришёл к заключению, что в Политбюро не может быть людей, способных на какую-то заговорщицкую деятельность. Старая гвардия видала многое, и главное для неё — не власть захватить! Боже упаси! А споконно, со всеми полагающимися почестями уйти на покой. И каждый из них думал, что он будет первым, потому что до настоящего времени никому ещё это не удавалось. Умирали на рабочем месте в лучшем случае. А в худшем — давали под старый зад, но с соответствующими льготами. Не убивали.

Беспокоила старую гвардию другая весьма подозрительная вещь. Все они были людьми старыми, с приобретёнными недугами. Но почему-то умирали с одним и тем же диагнозом. Гречко! Вообще никогда не жаловался на здоровье. Без молодухи спать не ложился и, говорят, в постели был хорош. Умер же от сердечной недостаточности.

Суслов до баб был не любитель. Пожаловался только на ломоту в суставах. Прошёл обследование. “Велосипед” — здоров! Принял таблетку, а утром диагноз — острая сердечная недостаточность.

Кулаков — это вообще ни в какие рамки не лезет! Здоров, как бык, ан нет! И тоже — острая сердечная недостаточность.

Леонид Ильич — опять же острая сердечная недостаточность. Хотя понятно, что и травма, полученная в Ташкенте, да и общее состояние... Мог ведь дуба дать от инсульта или от разрыва аорты. Нет — острая сердечная недостаточность. А вот Юрий Владимирович — почки. Причём пятнадцать лет лечили человека, и всё было терпимо. Стал генсеком — и на тебе! Обострение болезни. Всё как-то ненормально. Система просматривается. Даже не система, а стиль, почерк — так думал Виктор Михайлович, идя по хрустящему снегу по тропинке в корпус, где ждал его Юрий Владимирович.

Поднявшись в дежурные покои, специально оборудованные для Андропова, где находился его помощник, охрана и дежурный врач, он поздоровался со всеми и спросил:

— Как он?

Присутствующие пожали плечами.

— Всё понятно! Что делает?

— По телефону с Ивановым Николаем Ивановичем разговаривает.

Через минуту начальник охраны заглянул в палату:

— Юрий Владимирович, Чебриков к вам.

— Приси!

— Ну, здравствуй, Витя! Как ты?

— Спасибо, Юрий Владимирович. Хорошо. Вы-то как? Динамика есть?

— Динамика-то есть! Сил только нет. Этот гемодиализ доконал меня, и ничем заменить нельзя. После каждой процедуры с трудом отхожу. Устал.

— Ну, должен же быть какой-то выход? — не выдержал Виктор Михайлович. — Надо действовать, надо делать что-то.

— Надо! Надо, Витюша! Я вот сейчас с Ивановым разговаривал. Спрашиваю его: Николай Иванович, какое там материальное обеспечение вы мне сохраните, если я уйду на пенсию? А он молчит, ничего не отвечает. Или не знает. Вот так-то, друг. Вы там подумайте о том, что я вам сказал. Ты меня понимаешь, Витя, для чего я ему это сказал. Пусть попробует. Глядишь, получится. Если что, ты ему подсоби.

— Обязательно, Юрий Владимирович. Мы ещё вместе не один кроссворд разгадаем.

— Да! Да! Думаю, времени у меня не так много, как хотелось бы, но мешаю-другой я ещё протяну. Одна беда — слабею сильно. Нет сил ни в руках, ни в ногах. Всё время солёного хочу. Ты в следующий раз, как придёшь, помидор хотя бы один мне принеси. Такой, знаешь, бочковой, настоящий. А то Чадов хоть и друг, но тиран, ничего не разрешает.

— Юра, всё сделаю. Не волнуйся. Завтра принесу или с помощником передам.

— Вот и хорошо! — облегчённо сказал Андропов и облизал сухие губы. Его большой лоб покрылся капельками пота.

Чебрикову стало так жалко своего друга, что он не заметил, как слёзы неожиданно нахлынули на глаза.

– Не смотри на меня так, Витя. Говори, что хотел спросить.

– Что делать с Александровым?

– А как он на новом месте?

– Изображает из себя “новатора” в науке и международных делах. Людям не понравился. Это первое впечатление. Обещает навести порядок и выстроить новую концепцию развития. Вчера вечером был приглашён к Горбачёвым.

– Михаил не догадывается о нашей работе по этой проблеме? – спросил Андропов.

– Думаю, что нет!

– Это хорошо, Витя. Горбачёва надо от него оградить. Он хоть и крепкий мужик, но доверчивый. Помоги ему! Я дам отмашку в ЦК, а ты подготовь материал, правильный и конкретный. Мне мои помощники недавно рассказали, что там, в окружении Михаила, много всякого воронья собирается.

Видя, как Андропов постоянно облизывает сухие губы, Чебриков подал ему стакан воды.

Отпив глоток, Юрий Владимирович продолжал:

– И главное, у меня есть ощущение, что всеми нашими процессами как-то пытаются управлять со стороны, – он посмотрел на Чебрикова. – Ты меня понимаешь, откуда ноги растут?

– Да, конечно, Юра! Всё, хватит. Отдохни. Утомил я тебя.

– Нет! Мне хорошо. Здесь плохо, когда никого нет из близких. Сейчас Таня придёт. Поить меня будет бульоном.

– Юрий Владимирович, извини, но очень важно для одной разработки: при тебе были случаи, когда наши люди кого-то ликвидировали с помощью медицины? Ну, скажем, помогли безболезненно уйти?

– А что ты у Чадова не спросишь? – заметил Андропов с горечью. И добавил: – Вот, видишь, даже тебя эта тема заставила усомниться. Никогда, Витя, мы в КГБ, во всяком случае, в мою бытность не занимались этим, тем более по отношению к нашим людям. Никаких отделов “Х” у нас не было. Это всё либеральные страшилки отщепенцев.

– И даже с Кулаковым?

– И даже с Кулаковым. Я сам выезжал на место. Была крупная подстава. Звонил кто-то из МВД. А кто, так и не узнали. Все участники мертвы. Документы я распорядился...

Дверь приоткрылась, и появилась круглолицая, невысокого роста женщина – Татьяна Филипповна.

– К вам можно, больной?

... Из Кунцевской больницы ехать недолго, не больше двадцати минут. Всю дорогу Чебриков думал об Андропове. А в голове возникали строки из недавно представленной ему справки из аналитического управления. Анекдоты: “В кабинете у Андропова висит портрет Пушкина. Журналист спрашивает: “Юрий Владимирович, а почему не Дзержинского или Менжинского?” – “Так ведь Пушкин первый сказал: “Души прекрасные порывы!...” Ничего не скажешь, гнилая наша либеральная интеллигенция. А как стучит! Знал бы кто... Нельзя! Виктор Михайлович ждал, когда генерал Пономарёв доложит результаты работы группы, специально занимающейся анализом последних смертей руководителей партии и правительства. Ему уже доложили, что очень аккуратно проводились встречи с персоналом клиники. Были организованы наблюдения за ведущими специалистами, активизировали работу агентуры. Работники комитета заново подняли все акты вскрытия, все заключения о смерти. Подвергли повторному анализу фактологический материал. Теперь оставалось ждать результата. И Чебриков его с нетерпением ждал.

* * *

Александров впервые оказался в доме у Горбачёвых в их московской квартире вскоре после приезда.

– Сказывается художественный вкус и высокая культура хозяйки! – это были первые его слова, когда он перешагнул порог жилища.

– Проходите, пожалуйста, Николай Яковлевич, Миша на кухне занят. Это ваши тапочки. Надевайте. Ковёр шёлковый, таких всего несколько штук, – сообщила Раиса Максимовна.

– Красиво у вас, молодцы!

Он прошёл на кухню. Друзья обнялись. Горбачёв резал колбасу. Александров прищурился:

– А я к вам не с пустыми руками.

И он извлёк из портфеля две бутылки шампанского 50-летней выдержки.

– “Cristal” – напиток королей, изготавливается домом Luis Roederen.

– Кончай умничать, – остановил его Горбачёв, – мой руки и к столу. Разбаловался ты, Николай, на буржуазных харчах. Надо к нашим привыкать. Шампанским пусть Раиса Максимовна балуется, а мы по водочке ударим. И будет у нас полный консенсус. Все при своём интересе.

Сидели, болтали, шутили, вспоминали приезд в Оттаву. Затем тихо-тихо перешли к делам.

– Ну, как ты на новом месте?

– Пока ознакомился весьма поверхностно! Работы, думаю, будет много.

– Ты сильно не увлекайся. Я тебя скоро в ЦК заберу. Ты мне там нужен больше.

– В ЦК меня не пустят. Андропов не допустит этого! – с горечью произнёс Александров.

– Ерунда всё это! Сегодня на хозяйстве Черненко. А этот сделает всё, что я ему скажу.

– С чего бы это? – удивился Александров.

– Ты не смейся, но там, “наверху”, своя кухня. Он спит и видит, когда его изберут генсеком. Говорит, потом и умирать не страшно. Я с ним часто беседую, это не Громыко. Мистер “Нет” к себе близко не подпускает. Но и это поправимо. Мы работаем с теми, кто на него влияет. Ты же понимаешь!.. Не только “наверху” вся каша варится. Но наши аксакалы про это забыли... Жалко очень, что Андропов скоро отойдёт в мир иной, – Горбачёв посмотрел с опаской по сторонам. – Я знаю, ему ничего не помогает и уже не поможет. Шансов никаких. Организм изношен. Мне так и сказали.

– Значит, надо действовать?

– А ты что думаешь, мы тут даром хлеб едим? Всё под контролем. Всё схвачено!

– Мне что надо делать? – спросил Александров, сгорая от нетерпения, но вопрос задал как можно спокойнее, как бы показывая свою значимость и незаменимость.

– Тебе, Николай, надо подготовить идеологическую почву наших преобразований, перестройки всего уклада жизни. Главное – ориентация на открытость и гласность, на свободу слова.

Александров усмехнулся:

– Для этого необходимо всех антисоветчиков и диссидентов переименовать в прогрессивную интеллигенцию. Или ещё хлеще: назвать элитой общества! Иначе не получится. Только вместе с этими людьми можно уничтожить старые догмы и стереотипы мышления. Убить советскую мораль можно, только посеяв сомнения в её сущности, – заключил Александров и, глядя в упор в лицо обалдевшему Горбачёву, добавил, как бы подводя черту своего умозаключения: – Нужно вытащить на свет истину!

– Какую, на хрен, истину? – не понял Михаил Сергеевич.

– Нашу истину! Которая нам нужна для перестройки.

– Этого никак нельзя! – возразил Горбачёв. – Это опасно и рано. Надо тихо, шаг за шагом, метр за метром, но каждый день вдалбливать, что товарищи завели нас не туда. Сверху вдалбливать. Понимаешь? У нас, если вдалбливать сверху, – это реформы, если снизу, – это революция. Нам никакой революции не надо. А то повесят, как Муссолини, ногами вверх, и крышка! – заключил Горбачёв.

– Я это и имею в виду, – согласился Николай Яковлевич. – Но чтобы работа была эффективной, важно скомпрометировать базисные ценности. А для этого нужны новые ориентиры и новые кумиры.

– Вот ты, – остановил его Михаил Сергеевич, – этим и займёшься, а пока надо серьёзно готовиться.

Домой Николай Яковлевич ехал окрылённым – новая работа, новые перспективы. . . Александров думал, что здесь, в Москве, после десяти лет отсутствия его ждёт непростая жизнь, подозрения, разбирательства. Но всё складывалось как нельзя лучше.

Попив с женой чаю и обсудив последние новости, он впервые уснул мертвецким сном, с каким-то праздничным чувством облегчения.

Утром, хорошо позавтракав, отправился на работу, по дороге планируя множество дел. Не успел он войти в свой кабинет, как в дверях возник заместитель.

- Вы уже слышали, Николай Яковлевич?
- Что? – спокойно спросил Александров.
- Андропов умер!

* * *

Смерть Андропова стала сильнее моральным ударом для Виктора Михайловича. Мало того, что потерял друга, – умер генеральный секретарь, с которым ушла в небытие целая эпоха.

Пока Юрий Владимирович, считай, год болел, страной правил коллективный склеротичный разум, спасибо помощники у Андропова оказались на высоте. Теперь взошёл на трон второй “могиканин”, которого специально вытащили из пропахшего нафталином сундука, чтобы рассмешить народ. Константин Устинович, конечно, хороший мужик, но этого ой как мало.

Думая об этом, Виктор Михайлович уже точно знал, что идёт большая игра, в которой старшая гвардия небожителей оказалась в положении заложников чьей-то недоброй воли. И что под видом “младореформаторов”, которые уже высовывают свои головы из-под ковра и начинают невнятно говорить о западных экономических моделях, притаились откровенные враги государства, желающие в прямом смысле прибрать его к рукам. Через тягу людей к обновлению протащат реформы, которые выбьют основы управления у государства.

Этому ещё предстояло случиться, а сейчас он решил довести до конца дело, порученное ему Юрием Владимировичем. И потому генерал-майор Пономарёв и полковник Федотов, как и было поручено, явились с докладом о результатах работы.

Никого больше не приглашали. Доклад проходил в обстановке полной секретности. Пономарёв начал с того, что в смертях Гречко, Суслова, Кулакова и даже самого Брежнева, как и предполагалось, вырисовывается одна закономерность. И если рассматривать проблему в комплексе, это не только медицинский фактор, это ещё и интриги в высших эшелонах власти. Например, отставка Романова, смерть Машерова – всё указывало на наличие системы, преследующей определённую цель.

- Конкретней, пожалуйста, – попросил Чебриков.

Полковник Федотов положил перед шефом справку.

– Обратите внимание, Виктор Михайлович. Вот, к примеру, маршал Гречко. Долгие годы он третировал Леонида Ильича, грубил, иногда откровенно дерзил в присутствии членов Политбюро, часто ставил генсека в двусмысленное положение. И считал себя вправе это делать по той простой причине, что во время Великой Отечественной войны Брежнев был его подчинённым. И вдруг совершенно неожиданная смерть. Мы досконально проверили результаты вскрытия, и можем с высокой долей уверенности заявить, что эта смерть была естественной.

- И что? – озадачился Виктор Михайлович. – Это же нормально?

– Нет, – ответил Пономарёв за своего подчинённого, – в остальных случаях мы так однозначно утверждать не можем. Смерть Гречко – это исключение.

– Значит, мы не ошибались, когда предполагали злой умысел и организованный характер преступлений?

– Похоже, что да! – ответил Пономарёв. – Я только прокомментирую вереницу совпадений. Начну со смерти Брежнева. Причина – острая сердечная недостаточность, приведшая к остановке сердца. Умер он в преддверии важнейшего политического события – пленума ЦК, где Леонид Ильич должен был

сделать заявление о переходе на другую, более спокойную, работу – председателем партии, а генсеком он собирался предложить Щербицкого. В связи с этим он дал соответствующие распоряжения секретарю ЦК, руководящему партийными кадрами, – Капитонову. “Через месяц в этом кресле будет сидеть Щербицкий. Все назначения делай с учётом этого”. Через три дня после этого разговора Леонида Ильича не стало.

– Это мы всё знаем! И что здесь нового?

Пономарёв продолжал:

– В ночь, когда умер Брежнев, на даче не было ни одного медицинско-го работника. Прежде такого не бывало никогда.

– Мне это известно! Чадов объяснил это роковым стечением обстоятельств. Леонид Ильич чувствовал себя хорошо, и сам разрешил уйти своей медицинской няньке, которая приучила его к снотворным. И что здесь интересного? Почему начали доклад именно с Брежнева?

Пономарев замаялся.

– Ну, говорите же, Борис Михайлович.

– Когда обнаружили тело, Медведев пытался его оживить массажем. Но предварительно позвонил нам. Первым приехал, значительно раньше других, Андропов, уже в ранге секретаря ЦК по идеологии. Прошёл в кабинет Леонида Ильича, взял из сейфа кейс с документами и, не поздоровавшись и не попрощавшись с Викторией Петровной, ушёл. И вскоре прибыл с другими членами Политбюро, как будто здесь его и не было. Это, естественно, шокировало вдову, о чём она поделилась с женой Гришина. Медведев подтвердил.

– И это всё?

– Пока да!

– Это больше похоже на бабские сплетни, а не на материалы повторного расследования. Могу представить, что бы там было, если бы Федорчук приехал.

Виктор Михайлович ждал подтверждения своему предчувствию, своей интуиции, но пока тщетно.

– Теперь что касается Кулакова – острая сердечная недостаточность у совершенно здорового человека. Это, как мы докладывали, но по факту – пулевое отверстие в височной части левого полушария, как у Цвигуна. Левшой он не был.

– Это я тоже знаю! – оборвал Чебриков. – И что?

– Самым первым у тела тоже оказался Юрий Владимирович, и так же отсутствовал медик. Есть основания полагать, что версия о том, что Шеварднадзе передал Брежневу нелицеприятные разговоры о нём Кулакова и Машерова, которые гостили у последнего, явилась причиной смерти обоих, не лишена оснований. Более того, смерть Цвигуна, Косыгина, Устинова и четырёх министров обороны стран Варшавского договора носит заказной характер заинтересованной стороны, это очевидно.

– Надеюсь, она вам уже известна? – спросил Чебриков, заранее предвидя отрицательный ответ.

В разговор включился Федотов Семён Михайлович:

– Разрешите мне высказать своё видение этой проблемы?

– Прошу вас, – согласился Виктор Михайлович.

– Вы знаете, что очень часто бывает так, что мы пытаемся обнаружить или вычислить, как нам кажется, абсолютное зло, а ларчик открывается просто и совсем в другом месте.

– Продолжайте, – подбодрил его Виктор Михайлович, заметив смущение полковника.

– Я думаю, что здесь может быть несколько составляющих. Одна из них, в рамках поставленной задачи: действительно ли смерть Кулакова была инициирована ради выдвигения Горбачёва? И побудительный мотив, и фактический материал есть для простого мирянина, для члена Политбюро – нет! Может ли идти речь о каком-нибудь маньяке в системе медицинского обслуживания номенклатурных работников? Конечно, может. У нас нет системы психического отбора врачей. Она проводится от случая к случаю. Может ли это быть деятельностью спецслужб? Тоже исключать нельзя. Я думаю, что сложность в понимании произошла от наличия взаимоисключающих эпизодов, составляющих происшествие. И это сбивает с толку. Если разбить на группы по схожести смертей, тогда будет вырисовываться почерк и побуди-

тельный мотив. Вот мы рассмотрели эти варианты, и у нас образовалось именно три группы. Первая: Суслов, Кулаков, Брежнев. Здесь просматривается прямая связь, вытекающая в прямой интерес. Связь, как ни странно, в которой ключевой фигурой является Юрий Владимирович. Мы считаем, что это невозможно. Андропов к власти никогда не рвался, — заключил Федотов.

— Здесь хитрить не надо! — остановил его Чебриков. — “Кто во власти, одержимый страстью властвовать над всем”. Давайте будем объективны. И только факты.

— Горбачёв нужен был Андропову в Москве как особо доверенное и приближённое лицо. Что касается Брежнева, то для многих это был счастливый случай. Но вот тайный, первый ранний визит Андропова к покойному на дачу и этот чемоданчик выглядят совершенно закономерно, если речь идёт о завершении операции. Какая-либо случайность здесь отпадает, — закончил Семён Михайлович.

— А что было в этом чемоданчике? — спросил Чебриков.

Ответил Пономарёв:

— Многие считают, что это был компромат на всех членов Политбюро, который ему давал сам Юрий Владимирович, и это представляло опасность для государства.

— Ну, ясно! — вздохнул Виктор Михайлович. — Так мы далеко не уйдём. Хотя... чему тут удивляться! Юрий Владимирович был мудрым человеком. Это разумно, в его стиле, — брошенная фраза взбудорила приглашённых работников: значит, всё не так плохо, и они продолжили совещание.

— Что дальше? — снова спросил Виктор Михайлович, надеясь найти хоть какую-то зацепку, говорящую об организации и связях Горбачёва, который был теперь при Черненко. Его уже дважды пытались убить. Первый раз якобы с помощью отравленной копченой ставридки — еле откачали. Затем отправили для поправки здоровья на высокогорный курорт в Кисловодск — под сильнейшим давлением на Чадова со стороны Горбачёва. И как будто нарочно забыли, что у человека эмфизема легких. Через 10 дней его на носилках, полуживого вернули в Москву. Но работать он уже не мог. Реальная власть перешла к Горбачёву. Хотя, пока был жив Константин Устинович, шла ожесточённая подковёрная борьба. Виктор Михайлович понимал, что самую большую опасность для Горбачёва представляет Щербицкий. Интересно, — думал он, — какой вариант нейтрализации придумают “младореформаторы” для его устранения?

К действительности шефа КГБ вернул генерал Пономарёв.

— Вы поставили задачу: установить связи Александра на Западе и, прежде всего, с США. Мы больше года вели скрупулёзную работу. Часть выводов мы уже доложили, но это только вершина айсберга... Прошлый раз вы дали нам понять, что Андропов намекнул на совершенную им ошибку относительно Горбачёва, и очень хотел избавить его от влияния Александра. И мы решили посмотреть, что вообще могло быть общего между этими совершенно разными людьми. Теперь уже можно утверждать, что у Юрия Владимировича была сильнейшая душевная травма из-за несчастной судьбы своего первенца, старшего сына от первого брака, который страдал алкоголизмом и умер несколько лет назад. Во-вторых, он очень переживал и считал себя виноватым в том, что жена его Татьяна Филипповна во время венгерских событий в бытность его там послом получила сильнейшую психическую травму, насмотревшись на ужасы, творимые националистами. И в Горбачёве он увидел благодарного и толкового ученика.

— Сколько раз Горбачёв был в больнице у Андропова во время последней госпитализации? — спросил Чебриков.

— Один раз в первый же день вечером. И потом в журнале посещений записано: два раза с женой и семь раз один.

— Неплохо для любимого ученика, — грустно сказал Виктор Михайлович. — Видимо, долгий у нас будет сегодня разговор, — он позвонил в приёмную и попросил для всех чаю.

Когда чай принесли, Виктор Михайлович снял галстук и повесил пиджак на вешалку. Он положил в стакан лимон и, аккуратно помешивая ложкой, спросил притихших офицеров:

— А вы знаете, кто был крёстным отцом Юрия Владимировича и его протроном?

Оба отрицательно замотали головами.

— То-то и оно, товарищи чекисты. *Крёстным отцом* Юрия Владимировича был его наставник ещё со времён работы в Карелии Куусинен Отто Вильгельмович. Очень интересная фигура! В молодости он крутился в политическом бомонде Финляндии, водил дружбу с богатыми масонами. Целых девять лет был депутатом Финского сейма, шесть лет возглавлял социал-демократическую партию. Затем много лет был на подпольной работе, практически до 1943 года. Был одним из руководителей Коминтерна. Даже был членом ЦК ВКП(б), а при Хрущёве — секретарём ЦК КПСС. Не шутки вам шутить! Так вот. Когда была советско-финская война, произошёл один случай, на который обратили внимание наши чекисты. Куусинен возглавил в то время создание на территории СССР на случай нашей победы правительства народной Финляндии. Вся западная пресса вылила на него всю грязь, какую только можно. Короче говоря, ругали его везде... Кроме? Заметьте, Великобритания. А крупный английский политик Крипе даже публично заступился за него. В ЦК КПСС Куусинен ведал международными вопросами, к нему-то после венгерских событий и попал Юрий Владимирович заведующим отделом. — Чебриков сделал глоток уже остывшего чая и задал риторический вопрос самому себе: — Зачем я вам это рассказываю?

— Видимо, для этого есть основания? — в полушутливом тоне ответил Пономарёв.

— Мы бы так ничего и не узнали, если бы наш человек в Великобритании не предоставил нам убийственные доказательства. Отто Вильгельмович Куусинен указом королевы был награждён Высшим орденом Великобритании, получил рыцарское звание и считается нашими коллегами там, в Туманном Альбионе, самым успешным агентом-незаконником.

— Это не укладывается в голове, — попытался возразить Федотов. — Как это может быть?

— Может! — невесело усмехнулся Чебриков. — Всё, что случилось, всегда возможно и может повториться.

Пономарёв предположил:

— Выходит, что после возвращения из Америки, по окончании стажировки в Колумбийском университете, Александров попал работать к Куусинену?

— Нет, — возразил Чебриков, — он вернулся к Сулову, которого боготворил. Вы же понимаете, англичане не могли допустить их сотрудничества. Это значит законтрапунить все дело. Они не подозревали о существовании друг друга в другом ключе, кроме как работа в ЦК. Хотя были хорошо знакомы и не раз встречались.

— Тогда получается, что Андропов, Александров и Куусинен в одно и то же время работали в ЦК, где-то на одном номенклатурном уровне.

— Абсолютно точно! — подтвердил Чебриков. — Кроме вас, ещё одна группа работает по этой же теме. Но у неё другая задача. Ясно одно: Андропов знал об этих людях значительно больше, чем кому-то хотелось. Ещё с тех времён. Была какая-то тайна. Очень большая. Тайна партии. И я хочу вас предупредить. Мы находимся в смертельной опасности, потому что речь идёт о больших, очень больших деньгах там, за бугром, и Александров в курсе. Думаю, Юрий Владимирович догадывался. Если кто узнает, всем нам не поздоровится. Тем более сейчас, в преддверии больших перемен.

— Странно это как-то звучит в стенах нашего заведения, — заметил Федотов, — похоже, времена начинают в очередной раз меняться.

— Поживём — увидим, — Чебриков встал из-за стола, подошёл к окну и стал внимательно разглядывать пешеходов, укутанных в тёплые одежды, спешащих куда-то по делам. “У каждого свои дела, своя судьба, — подумал он. — И никому нет дела до того, что судьба их родины висит на волоске. Всё решается под ковром, в кулуарах. Везде интриги. И смерти, смерти больших и значимых людей. Что это? Роковое предзнаменование чего-то страшного? Случайность? Или естественный ход событий?”

Его мысли прервал телефонный звонок. Он поднял трубку. Долго слушал и, ничего не сказав, положил.

— Что-то случилось, Виктор Михайлович? На вас лица нет.

— Черненко умер.

Все замерли.

— И что теперь делать? — спросил Федотов.

Но ему никто не ответил, потому что опять зазвонил, теперь уже другой телефон — Кремлёвка. Виктор Михайлович сел в кресло и спокойно взял трубку:

– Слушаю вас.
– Здравствуйте, Виктор Михайлович.
– Здравствуйте, Михаил Сергеевич.
– Вы в курсе случившегося?
– Да, уже знаю!
– Вот и отлично. Надеюсь, вы понимаете важность текущего момента?
– Да, конечно! У нас на такой случай есть план необходимых обеспечительных мер, – начал докладывать Чебриков. – Границу переведём на усиленный режим охраны. Все комитеты на местах действуют по специальному плану заранее разработанных мероприятий...
– Это всё правильно вы делаете, – перебил его Горбачёв. – Мы очень на вас рассчитываем. У меня к вам просьба. Нужна ваша помощь.
– Слушаю вас, Михаил Сергеевич!
– Вы знаете, где сейчас находится товарищ Щербицкий?
– Да, конечно. С визитом в Великобритании.
– Абсолютно верно. И сегодня он должен возвращаться в Москву, – Горбачёв умолк, прикидывая, как лучше сказать ключевую фразу, и, наконец, выдал: – Нам надо, чтобы он задержался у англичан на пару-тройку дней ради общего дела!

Чебриков молчал.

– Вы можете справиться с таким партийным поручением?
– Да, конечно, – наконец, произнёс он. – Я всё сделаю.
– Мы на вас рассчитываем, Виктор Михайлович.
В трубке раздалась короткая гудка.
Чебриков, как-то странно улыбаясь, отпил чай из стакана и, глядя на удивлённые лица коллег, сказал:
– Вот и сказочке конец, други мои. Горбачёв будет новым генсеком. Через два-три дня.
– И что нам теперь делать? – очередной раз спросил полковник Федотов.
– Закрываем дело. Теперь уже не имеем права.
– Что делать с материалами, Виктор Михайлович? – тотчас озадачился Пономарёв как руководитель рабочей группы.
– Сколько работников в курсе? – снова спросил Чебриков.
– Двенадцать человек вместе с нами!
– Со всех взять подписку о неразглашении. Делу дать режим особой секретности. Об этом я позабочусь сам. Сегодня же всё подготовьте.
Когда генерал и полковник ушли, Чебриков попросил к себе начальника управления охраны.

А на Старой площади в это время жизнь кипела так, будто страна готовилась к какому-то очередному торжеству. Случилось так, что до покойника не было дела никому. Правительственные машины сновали между Кремлём, МИДом и Старой площадью, как челноки. Группировки властителей страны готовились представить нового лидера, и каждая – своего. Кукловоды всё заранее расписали, как по нотам. Оставалось только открыть занавес этого театра абсурда, где мудрый дипломат и политик с богатейшим политическим и житейским опытом соглашается стать “ферзём” на час ради минутной слабости, нисколько не подозревая, что его, мудрого и умного, руководящего и направляющего, “обуют, как самого настоящего лоха”. Этим лохом оказался Андрей Андреевич Громыко. Поддавшись уговорам, Андрей Андреевич согласился на должность Председателя Верховного Совета. Как старейший партиец, не дождавшись открытия заседания Политбюро, он предложил Генеральным секретарём избрать Горбачёва. Сделка состоялась. На мелочи никто не обратил внимания. Главное – на смену старикам пришёл молодой и энергичный, выступающий без бумажки лидер. И на тот момент это был лучший вариант.

“Ну, теперь заживём!” – вздохнула облегченно страна.

* * *

После инаугурации, когда отшумели банкеты и затихли поздравления, Михаил Сергеевич, наконец, избавился от своих европейских и американских почитателей и встретился со своим другом Александровым наедине, чтобы определить дальнейшую работу, так сказать, масштабно выстроить програм-

му действий. Они уже знали, что будут ломать через колено эту страну. Однако плана действий, который бы указывал, как это сделать с минимальными потерями для себя, у них не было. Предстояло не спеша обозначить канву, по которой аппарат должен был вывести их на ключевые решения, которые давно сидели в голове у обоих. Разница состояла только в том, что Горбачёв, ещё не начав преобразований, возомнил себя великим реформатором, а Николай Яковлевич давно считал себя великим мыслителем, с помощью интриг незаметно влияющим на судьбы людей целой страны. Ему это было ближе. В душе, в самых её глубинах он оставался пропагандистом, для которого нет большего счастья, чем видеть воплощение своих идей. И потому у них было полное взаимопонимание.

– Ну, что, Николай Яковлевич, ввязываемся в драку, как говорил великий Ленин, а там посмотрим, чья возьмёт? А?

– Это Наполеон говорил, Михаил Сергеевич, – поправил его осторожно Александров.

– Ну, и чёрт с ним, с твоим Наполеоном. Что у нас там? Какая самая большая проблема?

– КПСС, – спокойно ответил Александров, улыбаясь при мысли, что разговор происходит на Старой площади, в главном здании ЦК партии.

– Партия! Партия! Партия! – быстро заговорил Михаил Сергеевич, думая о чём-то другом. – Тебе, Николай, надо использовать свои связи на Западе, донести до них мысль, что пришёл новый лидер, при котором всё будет по-другому, но ему надо помочь не болтовней, а деньгами. Если хотят жить спокойно. А то мы им такое устроим с голодухи. . .

– Михаил Сергеевич, они давно уже вас знают и помогают нам, как могут.

– Чем они нам помогают? – возмутился Горбачёв. – Пусть воткнут эту помощь себе в одно место! У нас жрать нечего, продовольствия нет.

Александров язвительно заметил:

– Они понимают, что продовольствие – продукция сельского хозяйства – это близкая вам сфера деятельности, и делают, что могут. Но чтобы помощь была активной, нужны поступки, нужны шаги! Необходима новая идеологическая доктрина, которую бы все заглотили, например, “перестройка”, “гласность”, плюрализм мышления.

– Что за плюрализм ещё? – Горбачёв выругался матом.

– Многообразие мнений, суждений, Михаил Сергеевич.

– Зачем тебе это?

– Я всё обосную, всё организую с позиции диалектического материализма, агитации и пропаганды. Нарботки есть. Ведущие институты, идеологический актив, пропагандистский аппарат – все получают соответствующие указания.

– Вот-вот! Правильно, Николай. Надо, чтобы партия начинала с себя строить новую жизнь. Но делать это надо как-то осторожно.

– Но, прежде всего, кадры, – добавил Александров.

– Да! Кадры решают всё, – согласился Горбачёв, – даже такие хреновые, как наши!

Он поднял трубку и попросил, чтобы принесли перекусить и выпить.

“Быстро он освоился в кабинете генсека”, – подумал Николай Яковлевич и сглотнул слюну. Он с утра ещё ничего не ел – некогда было.

Горбачёв прочитал эту мысль в глазах товарища и поучительно заметил:

– Это место давно принадлежало мне. И только по этическим соображениям я не хотел его занимать раньше. Как выясняется, напрасно. Только потерял время. Ну, ладно, ты давай, иди, занимайся, как ты говоришь, “глубокой перестройкой умов”, через неделю встретимся, всё должно быть готово. Апрельский пленум будет громким. Я на тебя рассчитываю, мне нужна мощная речь, которая перевернёт мир. Кому много дано, с того много и спрашивают! И не забудь свои предложения по кадрам подготовить. Это важно. Я с Капитоновым ещё потолкую. Ну, всё, давай.

Александров собрался уже выходить, но в дверях стоял официант с тележкой, на которой под салфеткой просматривались закуски и приборы на двоих. Александров протянул руку Горбачёву, тот быстро ответил рукопожатием:

– Пока, Коля.

Александров шёл по коридору третьего этажа к себе в кабинет, рассуждая о человеческой сути и несправедливости жизни.

– Я сделал тебя. Я тебя и убью. Выскочка!

Но что бы там ни думал Николай Яковлевич о новом своём патроне и, так сказать, сподвижнике, он прекрасно понимал, что исполнить свою мечту он мог, только находясь рядом с этим человеком. Только став его тенью, его ушами и глазами. Надо заставить его думать так, как надо мне. А пока пусть упивается властью и читает Ленина – “Головокружение от успехов...”

Николай Яковлевич прекрасно знал, что первые идеи перестройки страны были изложены в неопубликованных выступлениях Берии, но Хрущёв и его окружение признали их очень опасными для партии, потому они вместе с Лаврентием Павловичем быстро исчезли с горизонта жизни страны.

Знал Александров и то, что Горбачёв нахватался “верхушек” от Андропова, который фундаментально разрабатывал саму концепцию перестройки как общественного сознания, так и производственных отношений и, главное, системы управления страной.

Андропов считал, что именно КПСС должна инициировать процессы обновления в обществе. Запустить их и затем поэтапно, шаг за шагом, сложить с себя полномочия руководящей и направляющей силы, запустив систему многопартийности. Всё это Александров как опытный аппаратчик понимал лучше многих... Но сейчас задача стояла по-другому. Надо было показать стране и всему человечеству: вот, смотрите! Появился планетарный лидер, который изменит этот мир к лучшему, если только не утопит его в крови своей примитивной болтовнёй, непомерными амбициями и самолюбованием. Ну, ничего. Это мы переживём, но зато тем интереснее дело. Моё дело! – закончил свою мысль Александров.

Он деловито потёр руки. Попросил чаю с бутербродами и сел писать тезисы речи, которую должен будет произнести перед страной новый Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Понимал Александров ещё и другое. Горбачёв не такой антикоммунист, каким показывает себя. На людях он другой. И всегда верит в то, что говорит. Пока говорит. И несмотря на то, что Горбачёва толкали наверх со всех сторон, включая его, Александра, западных друзей, по большому счёту новый генсек являлся выдвигенцем той части верхушки партии, которая стремилась выйти путём модернизации системы. А он, Александров, как раз тот человек, который великолепно владеет всеми идеологическими инструментами влияния, более того, западник, оказавшийся в нужное время в нужном месте. “Во всяком случае, – подумал Александров, – мне уже за шестьдесят, а я продолжаю делать карьеру в стране, где далеко не последний человек. Нет, я первый. – Его вдруг осенило: – Батюшки мои! Эврика! Как же это я не додумался сразу. О чём последнее время талдычит наш пропагандистский аппарат? Чего я требую от партийных комитетов? Больше социализма! Надо утопить информационное пространство страны в лозунгах о необходимости дать больше “социализма”, больше “гласности”. Будет красиво звучать и разрушать сознание народных масс. Сделаем Михаила Сергеевича великим демократом или великим демагогом. Впрочем, в этой стране эти слова – синонимы”.

Как бы то ни было, но Александров подготовил все принципиальные выступления Горбачёва в области внутренней и внешней политики. Более того, из Политбюро скоренько, без лишних объяснений, были изгнаны ставленники “дорогого и любимого” Леонида Ильича. Пришли новые – молодые tecnократы. Александров создал команду известных интеллектуалов из числа экономистов, социологов, которые откровенно были ориентированы на Запад.

И лёд тронулся!